

РЕЦЕНЗИИ И ДИСКУССИИ

УДК 94(470.314)''14/16''

Беляков Андрей Васильевич

д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории РАН (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0001-8588-9192

E-mail: belafeb@gmail.com

Открывая Мещеру

(рецензия на кн.: Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века).

Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2021. 316 с.)

АННОТАЦИЯ. До настоящего времени мы не совсем понимаем, как организовывалось управление Московского государства в регионах с преимущественно неправославным населением. Рецензируемая монография приоткрывает некоторые аспекты управления Восточной Мещерой в XV — начале XVII вв. В своем исследовании авторы сконцентрировали внимание, в первую очередь, на таком явлении, как «мордовские князья». Это татарская знать, которой за службу жаловались доходы с определенной части мордвы (мордовских беляков). Благодаря комплексному исследованию документов, в том числе из региональных архивов, привлечению картографического материала, а также сообщений европейских и восточных авторов, удалось создать целостную картину событий, развивавшихся в изучаемом крае на протяжении более 150 лет. Исследователи аргументированно доказывают, что Москва на подобных территориях не стремилась к быстрому слому прежних моделей управления, а органично вписывала их в новые условия. Изменения могли накапливаться постепенно, почти незаметно для представителей одного поколения. Хотя в конечном итоге прослеживается стремление к унификации общегосударственной системы управления. Ценность сделанных исследователями наблюдений возрастает благодаря тому, что полученная картина управления регионом Восточной Мещеры, с отдельными поправками, может быть применима как базовая модель для изучения других районов Среднего Поволжья с преобладающим нерусским (неправославным) населением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мещера, «мордовские князья», служилые татары, мордва, беляк, Темников, Русское государство XV–XVII вв.

Для цитирования: Беляков А. В. Открывая Мещеру (рецензия на кн.: Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2021. 316 с.) // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 128–137.

REVIEWS AND DISCUSSIONS

УДК 94(470.314)''14/16''

Andrey V. Belyakov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0001-8588-9192

E-mail: belafeb@gmail.com

Discovering the Meshchera

(Review: Akchurin M., Isheev M., Abdiev A. The era of the Tatar princes in the Meshchera (15–17th centuries).

Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, 2021. 316 p.)

ABSTRACT. Until now, we do not really understand how the administration of the Moscow state was organized in regions with a predominantly non-Orthodox population. The monograph under review reveals some aspects of the management of the Eastern Meshchera in the 15th — early 17th centuries. In their research, the authors focused primarily on such a phenomenon as “Mordovian princes”. They were the Tatar nobility, who received income from a certain part of the Mordovians (Mordovian belyaks) for their service. Thanks to a comprehensive study of documents, including those from regional archives, the use of cartographic materials, as well as European and Eastern authors’ reports, it was possible to create a holistic picture of the events that developed in the region under study for over 150 years. The researchers prove quite reasonably that Moscow in such territories did not strive for a quick breakdown of the previous management models, but organically fit them into new conditions. Change could have accumulated gradually, almost imperceptibly for members of the same generation. Although, in the end, the desire to unify the nationwide management system can be traced. The value of the observations made by the researchers increases due to the fact that the obtained picture of the management of the Eastern Meshchera region, with some amendments, can be used as a basic model for studying other regions of the Middle Volga region with a predominantly non-Russian (non-Orthodox) population.

KEYWORDS: Meshchera, “Mordovian princes”, service Tatars, Mordovians, belyak, Temnikov, Russian state of the 15th–17th centuries

For citation: Belyakov A. V. Discovering the Meshchera (Review: Akchurin M., Isheev M., Abdiev A. The era of the Tatar princes in the Meshchera (15–17th centuries). Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, 2021. 316 p.) // *Historical Geography Journal. 2022. Vol. 1. № 1. P. 128–137.*

В последнее время наметился устойчивый интерес к изучению регионов Московского государства XV–XVII вв. с преимущественно нерусским (неправославным) населением. Исследователи рассматривают историю вхождения подобных территорий в состав Русского государства, а также особенности внутреннего управления этими землями. Главной трудностью здесь остается плохая сохранность документов. Частично исправить такое положение с источниковой базой можно поиском аналогий изучаемых процессов на схожих территориях. Среди всех регионов Поволжья с преобладанием неправославного населения особое место занимает регион Мещера. По нему имеется вполне репрезентативный набор разноплановых архивных документов, картографический материал, свидетельства восточных и европейских путешественников, данные археологических раскопок. Как следствие, возникает возможность довольно подробно исследовать жизнь этого края в рассматриваемый период. Полученные данные можно частично переносить на схожие по составу населения регионы Поволжья, а также территории Зауралья. Тем самым Мещера в определенном смысле становится «эталонным» краем для исследования процессов, протекавших на землях со схожими условиями. Благодаря этому картина инкорпорации присоединяемых к Москве территорий на востоке становится более детальной и целостной.

Понятно, что здесь требуется, в первую очередь, создать картину процессов, проходивших в Мещере. Различные аспекты данного вопроса в разное время поднимались М. М. Акчуриным¹, А. В. Беляковым², В. В. Вельяминовым-Зерновым³, А. А. Гераклитовым⁴, А. В. Дедуком⁵, Д. М. Исаковым⁶, М. Г. Сафаргалиевым⁷, Ф. Л. Шарифуллиной⁸, П. Н. Черменским⁹ и другими исследователями. И вот коллектив из трех авторов, М. М. Акчурина, М. Ишеева и А. Абдиева, написал монографию под заголовком «Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века)». В ней предпринята попытка раскрыть механизмы управления территорией, заселенной по преимуществу татарами и мордвой¹⁰. За основу исследования взято диссертационное сочинение М. М. Акчурина «Административно-территориальное устройство Мещеры XV — начала XVII веков (этнополитический аспект)»¹¹. Однако оно в значительной степени было переработано и дополнено рядом новых сюжетов.

В центре внимания исследователей, в первую очередь, находится регион Восточной Мещеры, охватывающий территорию современной Республики Мордовия. Кроме того, авторы рассматривают и иные земли, входившие в состав Мещеры, от г. Касимова до р. Суры и от р. Оки до севера современных Тамбовской и Пензенской областей, а также территорию бывшего Алаторского уезда.

¹ Акчурин М. М. Административно-территориальное устройство Мещеры XV — начала XVII веков (этнополитический аспект): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019.

² Беляков А. В. Историческая география Мещеры XIV–XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85.

³ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1; СПб., 1864. Ч. 2; СПб., 1866. Ч. 3; СПб., 1887. Ч. 4.

⁴ Гераклитов А. А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. Саратов, 1930. Т. 8. Вып. 2.

⁵ Дедук А. В. К вопросу о политической принадлежности и статусе Мещеры в XIV — первой половине XV вв. // *Studia historica europae orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2014. Вып. 6. С. 163–178; Он же. К вопросу о расположении «мест татарских и мордовских» московско-рязанских договорных грамот XIV–XV вв. // *Средневековая Русь*. М., 2016. Вып. 12. С. 117–128.

⁶ Исаков Д. М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волгоуральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.

⁷ Сафаргалиев М. Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Саранск, 1963. Вып. 24. С. 64–79. Он же. Присоединение мордвы к централизованному государству // Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Саранск, 1964. Вып. 27. С. 3–25.

⁸ Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX — начала XX веков. Рязань, 2004.

⁹ Черменский П. Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 3–11.

¹⁰ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань, 2021.

¹¹ Акчурин М. М. Административно-территориальное устройство...

Отметим широкую базу источников, привлеченных исследователями. Помимо работ предшественников и ранее опубликованных документов они активно использовали архивные материалы Российского государственного архива древних актов, дополненных сведениями из региональных архивохранилищ Астраханской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской областей и Республики Мордовия. Для исследования истории края были привлечены данные, приводимые восточными авторами, родословными росписями (шеджере), а также картографические материалы европейских путешественников. Также использовались возможности, которые дает ДНК-анализ. Он, в частности, позволил проверить ряд легенд о происхождении некоторых мещерских родов. В результате авторы создали целостную картину процессов, проходивших в крае.

В одной монографии трудно рассмотреть все аспекты политической, экономической и социальной истории жизни Мещеры за столь продолжительный период времени. Поэтому исследователи, в первую очередь, остановились на проблеме «мещерских князей». Помимо этого ими затрагивается целый ряд смежных вопросов. Благодаря предшествующей историографии Мещера устойчиво ассоциируется с так называемым Касимовским царством. До настоящего времени не изжито представление о том, что это образование располагалось на всей территории края. Однако, как показал анализ широкого круга источников, это утверждение ошибочно. Документы «молчат» о подобном образовании. Исследователи приходят к выводу, что «Царевичев городок» («Мещерский юрт») и Мещера не тождественные понятия. Первое только входило во второе как составная часть¹². А вот заявление о том, что на территории Западной Мещеры на настоящее время нам неизвестны мордовские поселения, с которых касимовские (городецкие) Чингисиды могли собирать ясак¹³, требует дополнения. По сведениям археологии, славянское население в районе будущего Касимова появилось только в XII в., и первоначально оно проживало в финно-угорском окружении, которое постепенно ассимилировалось. Действительно, на территории Касимовского и Елатомского уездов на рубеже XVI–XVII вв. мордва не фиксируется. Но это совсем не значит, что ее там не было ранее¹⁴. Она вполне могла принять православие и русифицироваться или же перебраться на восток, где русское влияние было не столь заметно. Здесь требуются дополнительные исследования. Очень осторожно следует относиться и к вопросу о том, какие категории населения ведались касимовскими Чингисидами. Здесь мы располагаем документальными данными на начало XVII в. с экстраполяцией на более ранний период. Авторы утверждают, что царь Арслан б. Али имел право суда над следующими жителями города и уезда: в Касимове посад с русским населением, татарскую слободу и старый посад, где также проживали татары; в Касимовском уезде — деревни, где проживали татары Царева и Сеитова полка; русское население сел и деревень Касимовского и Елатомского уездов, пожалованных Чингисиду в поместье¹⁵. На самом деле ситуация выглядела несколько иначе. По жалованной грамоте и более поздним документам касимовский царь только получал в свою пользу судебные пошлины, суд же осуществлял касимовский воевода. При этом если татары судились с русскими людьми, то пошлины собирались на московского государя¹⁶.

Авторы не могли не коснуться и других проблем исторической географии Мещеры. Они четко делят регион на западную и восточную части. Если первая, по их мнению, изначально контролировалась русскими князьями, то вторая длительное время представляла собой внутренний регион Золотой Орды. С этим трудно не согласиться. Однако в рецензируемой работе отсутствует более детальное рассмотрение этих частей по отдельности. Поэтому возникают отдельные

¹² Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 42.

¹³ Там же. С. 43–45.

¹⁴ Челябинов В. П. Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли // Великое княжество Рязанское: историко-археологическое исследование и материалы. М., 2005. С. 413–426.

¹⁵ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 46–50.

¹⁶ Беляков А. В. Касимов после Смутного времени (по документам РГАДА) // Рязанская вивлиофика. Рязань, 2001. Вып. 2. С. 31–38; Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 407, 408, 421.

ошибки и неточности. Так, авторы «забыли» или же не попытались объяснить отсутствие упоминаний в источниках XVI в. Елатомского уезда¹⁷. Также трудно согласиться с утверждением о том, что в XVI в. Западная Мещера уже «представляла собой сформировавшуюся административную область с внутренним волостным делением»¹⁸. Край находился только на стадии территориального становления. Даже в XVII в. в Мещере отсутствовало сплошное деление на волости. На самом деле это были только вкрапления бывших великокняжеских (царских) вотчин в общий земельный массив. Неубедительными выглядят рассуждения о принадлежности Андреева городка на рубеже XIV–XV вв. к Москве¹⁹. Этот город, по-видимому, длительное время был административным центром будущего малого Шацкого уезда (Подлесный стан Мещерского уезда). В конце XV в. земли в нем чересполосно принадлежали рязанским князьям Ивану и Федору Васильевичам. Ивану III эта часть Мещеры досталась только в 1503 г. по завещанию своего племянника Федора Васильевича Третнего. Следовало указать, что граница между Западной и Восточной Мещерой условно проходила по рекам Цне и Мокше. Авторы обоснованно считают, что это также граница между русскими княжествами и Золотой Ордой. Но утверждение о том, что за этой линией начались мордовские земли²⁰, требует дополнительного разъяснения. Мордва жила по обе стороны этой границы. В своем исследовании авторы концентрируют свое внимание в первую очередь на изучении западной части — Замокошском стане Шацкого уезда, где со временем формируются Кадомский и Темниковский уезды²¹. Факт завещания территории Подлесного стана очень важен для нас. Дело в том, что мы вправе поставить вопрос: служилые татары, упоминаемые здесь с 1508 г.²², появились в этой части Мещеры после присоединения к Москве или же ранее они служили рязанским князьям?

Под «мордовскими князьями», по мнению авторов, следует понимать представителей тюркской родоплеменной аристократии; они имели более высокий статус по сравнению с мордовской родоплеменной знатью²³. За службу князьям жаловали наследственные доходы с тех или иных мордовских беляков. Первоначально это были как прямые подати (ясаки), так и судебные пошлины. Также они осуществляли суд над подведомственным населением. Одновременно с пожалованием того или иного беляка мирза получал пожизненное княжеское достоинство. Но мордва сохраняла самостоятельность во внутреннем управлении и автономность при участии в военных кампаниях. Изначально князем становился старший в роду. Все остальные представители семьи оставались мирзами. Но постепенно закрепилось наследование старшим сыном за своим отцом. Исследователи выявили явные параллели между «мордовскими князьями» и беками в постордынских государствах. В то же время «мордовские князья» напоминали собой наследственных пожизненных наместников или же волостелей. А вот предложенное их сходство с русскими удельными князьями как минимум требует дополнительной аргументации²⁴. То же относится и к утверждению о тождестве «беляка», «княжения» и «отчины»²⁵. Прекращение подобных пожалований произошло в царствование Федора Ивановича, хотя и возобновилось на короткий период в эпоху Смуты²⁶. Очень интересно замечание авторов о том, что московские государи при продвижении на восток строили свои взаимоотношения с народами, ранее входившими в состав Золотой Орды, на

¹⁷ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Беляков А. В. Историческая география Мещеры... С. 72–85.

²² Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 52.

²³ Демидов А. Н. Еделевский список сберегательной памяти царя Иоанна Васильевича мордовским князьям и мурзам 1572 г. // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 29–41.

²⁴ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 62–74.

²⁵ Там же. С. 235.

²⁶ Там же. С. 98–100.

основе еще ордынских принципов²⁷. При этом остается вопрос: осознавали ли это в Москве, или же действовали по привычной для них схеме? В настоящее время мы находимся в самом начале исследований в этом направлении²⁸.

Исследователи делают попытку выявить систему или же отдельные элементы управления в рассматриваемом регионе. В частности, авторами было установлено, что упоминание князем представителя того или иного мещерского мирзинского рода в XVI в. является прямым указанием на обладание ими некоего родового «княжения»²⁹. Здесь, однако, следует помнить, что в начале XVII в. от отдельных княжеских родов начинают отпочковываться новые без пожалования их представителя княжением над мордвой. Со временем этот процесс стал набирать обороты. К концу XVII в. одновременно в Мещере фиксируется до 40 княжеских родов. Очень интересным и до конца не понятным является наблюдение о том, что отдельные беляки, расположенные в разных частях региона, могут иметь одинаковое название³⁰. Возможно, эти примеры указывают на дробление разросшихся в свое время беляков или на постепенную миграцию части мордовского населения на новые территории. Исследователи рассматривают беляки как своеобразные ясачные и административно-судебные округа. Но при этом не пытаются анализировать это явление как изначально разросшиеся коллективы родственников. На это, в частности, указывают однотипные по набору элементов и подчиненные единому закону построения бортных знамен, фиксирующиеся на территории одного беляка. Приравнение беляка к волости, на наш взгляд, выглядит несколько поспешным. При этом исследователи отмечают, что мордва управлялась сотниками, выбиравшимися из их среды. В их функцию, в частности, входил сбор налогов, которые требовалось передать специальному должностному лицу, назначаемому из русских служилых людей, — мордовскому приказчику. Он, в свою очередь, передавал фиксированную часть ясака конкретному мордовскому князю. Факты владения татарами мордовскими дворами и пашней неизвестны. Это позволяет исследователям не рассматривать «княжения» / беляки как некие «государственные» образования³¹. О том, как регламентировалась жизнь в подобных «княжениях», по-прежнему нам почти ничего неизвестно. Хотя постепенно открываются все новые и новые сведения об этом. Авторы обнаружили интересное упоминание, относящееся к Арзамасскому уезду. Кормленщику Н. П. Клементьеву в 1585 г. судом было подвластно все уездное население «опричь бортников и мордвы, а бортников и мордву судити в розбое и в душегубстве в тадьбе с поличным»³². На самом деле ситуация усложняется еще более, если принять в расчет, что бортники являлись представителями русского населения. Возможно, подсказка к разгадке этого казуса кроется в свидетельстве, относящемся уже к Алаторскому уезду. 19 мая 1635 г. в Алатырь по челобитью татар Баймамета Байкеева с товарищами была послана грамота, по которой «велено их судить на Алатаре, а по селам и деревням не судить»³³. Данное сообщение важно по двум позициям. Во-первых, это прямое указание на некий суд, который мог проходить непосредственно по месту жительства («по селам и деревням»). Он, по-видимому, мог осуществляться абызами (хафизами) и затрагивал, скорее всего, брачные и имущественные отношения. Во-вторых, данный суд был отменен по просьбе самих татар. Значит, в какой-то момент они посчитали, что воеводский суд для них более выгоден. Здесь требуется искать новые исторические свидетельства. Пока же мы можем говорить о том, что в регионе для отдельных категорий населения длительное время существовал особый суд по незначительным, с точки зрения центральной власти, делам.

²⁷ Там же. С. 74–76.

²⁸ Беляков А. В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 184–211.

²⁹ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 84–85.

³⁰ Там же. С. 82–83, 90–91.

³¹ Там же. С. 93–94.

³² Там же. С. 96.

³³ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 23. Л. 174.

Тема суда над отдельными категориями населения Мещеры поднимается в исследовании еще раз. На этот раз это право «судить и ведать» всех проживавших в Темникове татар князьями Еникеевыми. Этот факт автоматически делает этот род главным в регионе. Однако исследователи относят данный род к тем же «мордовским князьям», хотя и наделенным наместничьими функциями по отношению к иным татарам края. Причина этого кроется в том, что в грамоте о пожаловании «татарским судом» ничего не говорится о пожаловании княжеского достоинства³⁴. Позволим не согласиться с этим утверждением. Еникеевы в XVI и даже в XVII в. имели ряд привилегий, отсутствовавших у иных местных князей: обладали наследственным правом на кабацкие доходы и судебные, торговые пошлины (пятно), полавочное; на их имя шли в город грамоты о встрече и проведении ногайских посольств; они имели возможность в отдельных случаях самостоятельно испомещать темниковских служилых татар; длительное время осуществляли командование над местной татарской служилой корпорацией. Данные факты скорее говорят о наличии на раннем этапе у этой семьи определенных черт удельных правителей, а не просто татарских наместников. Постепенно эти права сокращались, но не исчезли окончательно даже в конце XVII в.³⁵

Очень важен раздел, посвященный отдельным княжеским родам. Здесь анализируется информация по сохранившимся или же упоминаемым жалованным грамотам и иным документам, относящимся к 17 татарским княжеским родам из Восточной Мещеры³⁶. Отдельно рассматриваются этнические «мордовские князья» Арзамасского уезда³⁷ и некоторые княжеские роды из Касимова³⁸. Исследователи анализируют родословные темниковских татарских родов, зафиксированные в начале XVIII в. монахами Саровского монастыря. При этом привлечение данных ДНК-исследований ныне живущих потомков этих родов позволило им подтвердить в целом правдивость монастырских записей и создать ДНК-схему родственных связей основных княжеских родов Восточной Мещеры³⁹. В работе, однако, явно не хватает еще одной схемы, показывающей на то, как происходило отпочкование от основных родовых стволов новых княжеских родов. Хотя этому имеется объяснение. Наиболее активно эти процессы протекали уже в XVII в., а он, по большей части, остался за рамками рецензируемого исследования.

Также в монографии рассматривается краткая история отдельных «татарских» городов Мещеры и прилегающих территорий, где фиксируется значительное количество служилых татар в XVI–XVII вв.: Темникова, Старого Темникова, Итяковского городища, Кадома, Саконь, Андреева городка каменного, алаторских татар. При этом приводимые исследователями сведения наглядно показывают на примере Алаторского уезда, как излишнее население из региона Мещеры заселяло близлежащие территории. Также для понимания социальной структуры Московского государства рассматриваемого периода важно наблюдение о существовании в Алаторском уезде такой категории неслужилых татар, как «захребетники». Это, по-видимому, ближайшие родственники служилых татар, являвшиеся своеобразным кадровым резервом для замены выбывших служилых родственников. При этом подобная ситуация, похоже, не уникальна для этого региона. Подобное явление фиксируется и в Тюменском уезде⁴⁰.

Исследователи поднимают и такой вопрос, как материальное содержание служилых татар. Помимо ясака, который получала только верхушка татар, оно состояло в Мещере из поместной пашни и вотчин бортных ухожеев. Последние представляли собой лесные массивы, пригодные

³⁴ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 186–191.

³⁵ Беляков А. В. Князья Еникеевы и г. Темников в XV–XVII в. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII веке. Калуга, 2020. С. 737–758.

³⁶ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 100–158.

³⁷ Там же. С. 150–167.

³⁸ Там же. С. 168–184.

³⁹ Там же. С. 107–118, 238–241, 311–313.

⁴⁰ Там же. С. 192–218.

для бортничества (сбора меда диких пчел). До настоящего времени не был известен механизм пересчета бортных ухожеев в поместную пашню, как и не было понятно, осуществлялся ли он на практике. Авторам удалось найти документ, упоминающий мордовскую вотчину бортный ухожей, с которой в казну следовало ежегодно отдавать пуд меда верхового оброка, приравнивающегося к «сайдаку» у служилых татар. Под последним логично видеть набор вооружения конного лучника. Тем самым можно предположить, что с вотчинной доли, равной одному саадаку, служилые татары должны были выставять даточного воина. Конечно же, в этом вопросе еще есть много непонятного. Но данная находка очень важна для понимания того, как материально обеспечивалась государева служба мещерских татар⁴¹. Однако, размышляя о взаимосвязи татарских поместий и вотчин бортных ухожеев, авторы допустили явную неточность. Они утверждают, что знатные татары стремились получить поместную пашню в пределах своих лесных вотчин⁴². На самом деле ситуация была несколько иной. Пашня распахивалась ими в собственных вотчинах, а при очередном поместном описании эта земля переводилась в поместье. К тому же, если реальное землевладение того или иного служилого татарина оказывалось больше его поместного оклада, то часть этой земли отписывали на государя.

В заключение авторы предприняли попытку установить, когда Восточная Мещера попала в сферу влияния Москвы. По их мнению, это не было одномоментным событием. Влияние в регионе возрастало постепенно между 1430-ми и 1480-ми гг. При этом, по мнению исследователей, до гибели хана Ахмада в 1481 г. западные мордовские земли признавались частью Большой Орды⁴³.

В приложении к исследованию приводятся тексты жалованных грамот XVI — начала XVII в. татарским князьям на княжение в Мещере. При этом часть из них публикуется впервые.

Подводя итог, следует констатировать, что авторам удалось создать аргументированную авторскую концепцию событий, протекавших в XV — начале XVII вв. на территории Восточной Мещеры. Да, с отдельными их построениями и выводами можно спорить. Однако получившиеся результаты в любом случае следует учитывать при дальнейшем изучении края в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового Времени. Хочется надеяться, что авторский коллектив продолжит исследование этого региона. А сделанные нами замечания помогут им лучше увидеть отдельные недостаточно проработанные сюжеты. Если же говорить о недостатках рецензируемой монографии, то к ним следует отнести отсутствие именного и географического указателей. Также авторам не удалось избежать некой очерковости. Отдельные сюжеты, в первую очередь о формах жалования за службу и татарских подписях на грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича, выглядят неорганично. Этого можно было бы избежать при несколько иной компоновке текста.

Мы отмечали, что представления о процессах, протекавших на просторах Мещеры XV–XVII вв. можно отчасти переносить на иные территории со схожими условиями. И вот получены первые данные, подтверждающие нашу правоту. Ситуация в Свияжском уезде во второй половине XVI в. в значительной степени напоминает то, что мы наблюдаем в Мещере, хотя и с наличием определенного числа местных особенностей⁴⁴. Это лишний раз доказывает, что рецензируемая книга имеет важное значение для изучения не только Мещеры, но и иных территорий, присоединенных к Москве в XV–XVII вв. Она позволяет вновь открыть их, извлечь из небытия прошлого.

⁴¹ Там же. С. 218–226.

⁴² Там же. С. 224.

⁴³ Там же. С. 242–249.

⁴⁴ Акчурин М. М., Владимиров О. О. О месте татарской аристократии в системе управления горной стороны (Свияжского уезда). Вторая половина XVI — начало XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 154–183.

REFERENCES

- Akchurin M. M. [About the place of the Tatar aristocracy in the management system of the mountainous side (Sviyazhsky district). Second half of the 16th — early 17th centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2022, vol. 10, no. 1, pp. 154–183. (in Russ.).
- Akchurin M. M. *Administrativno-territorialnoe ustrojstvo Meshchery XV — nachala XVII vekov (etnopoliticheskij aspekt): kand. diss.* [Administrative-territorial structure of the Meshchera of the 15th — early 17th centuries (ethnopolitical aspect): Diss. Cand.]. Moscow, 2019. (in Russ.).
- Akchurin M., Isheev M., Abdiev A. *Epokha tatarskikh knyazej v Meshchere (XV–XVII veka)* [The era of the Tatar princes in the Meshchera (15–17th centuries)]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani Publ., 2021. (in Russ.).
- Belyakov A. V. [Diplomas of commendation for the golden seal: the history of existence and the area of distribution (on the Horde succession in the matter of investiture)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde review], 2022, vol. 10, no. 1, pp. 184–211. (in Russ.).
- Belyakov A. V. [Historical geography of Meshchera of the 14th–17th centuries]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2019, no. 1, pp. 72–85. DOI: 10.31857/S086956870004242-7 (in Russ.).
- Belyakov A. V. [Kasimov after the Time of Troubles (according to RGADA documents)]. *Ryazanskaya vivliofika* [Ryazan vivlifika]. Ryazan: Aleksandr Rutman Publ., 2001, vol. 2, pp. 31–38. (in Russ.).
- Belyakov A. V. [Princes Enikeevs and the town of Temnikov in the 15th — 17th centuries.]. *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV–XVII veke* [On the way to the states of modern times: West and East of Europe at the end of the 15th–17th centuries]. Kaluga: Kaluzhskij gosudarstvennyj institut razvitiya obrazovaniya Publ., 2020, pp. 737–758. (in Russ.).
- Chelyapov V. P. [Old Russian monuments in the North-East of the Ryazan land]. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie i materialy* [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and Archaeological Research and Materials]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2005, pp. 413–426. (in Russ.).
- Chermenskij P. N. [From the history of feudalism in Meshchera and Mordva]. *Arkheograficheskij ezhegodnik za 1963 g.* [Archaeographic Yearbook 1963]. Moscow: Nauka Publ., 1964, pp. 3–11. (in Russ.).
- Deduk A. V. [On the issue of political affiliation and the status of Meshchera in the 14th — first half of the 15th centuries]. *Issledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy* [Studia historica europae orientalis]. Minsk: RIVSH Publ., 2014, iss. 6, pp. 163–178. (in Russ.).
- Deduk A. V. [On the question of the location of the “places of the Tatar and Mordovian” of Moscow-Ryazan treaty letters of the 14th–15th centuries]. *Srednevekovaya Rus* [Medieval Rus’]. Moscow: Indrik Publ., 2016, iss. 12, pp. 117–128. (in Russ.).
- Demidov A. N. [The “Edelevsky” list of the “protective memory” of Tsar Ivan Vasilyevich to the Mordovian Princes and Murzes in 1572]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric world], 2020, vol. 12, no. 1, pp. 29–41. (in Russ.).
- Geraklitov A. A. *Arzamasskaya mordva po pistsovyim i perepisnym knigam XVII–XVIII vv.* [Arzamas Mordovians according to scribes and census books of the 17–18th centuries]. Saratov: Pravlenie Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1930, vol. 8, no. 2. (in Russ.).
- Iskhakov D. M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram Novogo vremeni (etnologicheskij vzglyad na istoriyu volgo-uralskikh tatar XV–XVII vv.)* [From the medieval Tatars to the Tatars of the Modern times (an ethnological view of the history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries)]. Kazan: Master-Lajn Publ., 1998. (in Russ.).
- Safargaliev M. G. [Accession of the Mordovians to the centralized state]. *Trudy Mordovskogo NIIYALIE* [Proceedings of the Mordovian NIIYALIE]. Saransk: b. i., 1964, vol. 27, pp. 3–25. (in Russ.).
- Safargaliev M. G. [On the history of the Tatar population of the Mordovian ASSR (about the Mishars)]. *Trudy Mordovskogo NIIYALIE* [Proceedings of the Mordovian NIIYALIE]. Saransk: b. i., 1963, vol. 24, pp. 64–79. (in Russ.).

Sharifullina F. L. *Kasimovskie tatary. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie traditsionnoj narodnoj kultury serediny XIX — nachala XX vekov* [Kasimov Tatars. Historical and ethnographic study of traditional folk culture of the mid-19th — early 20th centuries]. Ryazan: b. I., 2004. (in Russ.).

Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva [Tyumen and Siberian Khanates]. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta Publ., 2018. (in Russ.).